

Литературный конкурс журнала «Север»
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Лада МОСКВИНА

г. Владивосток

ВОБТАНЬ, ПРОРОК.

Исповедь

Традиция читать работы Э.Т.А. Гофмана в редкие моменты жизни, негативно воздействующие на меня монотонностью и саспенсом, заставляющие скучать или тревожиться, появилась у меня давно.

Пожалуй, только открывая книги Гофмана – с неизменным трепетом и восторгом, предвосхищающими настоящие чудеса, что скрываются в самых неожиданных материях – и, прикасаясь к его творчеству, поистине опережавшему свое время, описывавшему действительность будто вне времени и пространства, а потому и бессмертному, я могу облегченно вздохнуть и сказать: «Я дома. Наконец-то я дома...»

Шарм миров Гофмана заключается для меня, в первую очередь, в умении мастера прозы найти волшебство в обыденности, оживить и наполнить магией те элементы бытия, в которых другой человек, пусть даже и близкий к искусству, не разглядел бы даже искры таинственной потусторонней жизни. В книгах бессмертного автора осязаемый, материальный мир, знакомый каждому человеку с рождения, перекликается с миром фантазийным и эфемерным. Одна реальность по кусочку вбирает другую, пока диффузия не дос-

тигает своего апогея и не завершается, создав потрясающий союз, тандем реальности и творческого вымысла. В гофманиаде мистическое, необычное и странное, наполняя привычный мир, выглядит органичным и нужным, понятным, как будто появление всего подобного было предначертано звездами, необходимо для поддержания вселенского баланса.

Эпатажный советник Креспель, носящий скрипичный смычок вместо сабли, адвокат Коппелиус, в котором непременно скрывается сказочный Песочный Человек, и даже настоящий волшебник Проспер Альпанус, способный превращаться в различных животных и оживлять гномов да других мифических существ, живут в самом обыкновенном мире, не испытывая никакого дискомфорта по этому поводу. Слово все они являются неотъемлемыми элементами мозаики – или, точнее сказать, фрагментами механизмов (ведь всем работам Гофмана так идет стимпанк!) своих историй, словно все они необходимы не только для представленного автором сюжета, но и для самой земли, на которой обитают. В произведениях Гофмана все существует в гармонии. С тех пор как я перестала писать, мне чудовищным об-

разом ее не хватало, и я стала обращаться за ней к волшебному миру гофманиады. Но я и представить себе не могла, что однажды и со мной в этом мире случится настоящее чудо.

Это произошло тридцатого ноября, за сутки до давно спланированного дня возвращения, когда я, превозмогая себя и изгоняя из своей головы сомнения, осмелилась объявить, что вернусь к творчеству.

Передо мной был целый список еще не прочитанных работ Гофмана, я выбирала, полагаясь исключительно на интуицию, и наконец определилась, что именно я буду читать. Но хотя выбор уже был сделан, каким-то поистине мистическим образом мне открылся титульный лист совершенно другого рассказа. Уже тогда я почувствовала, что это знак. Я знала: это повествование необходимо прочитать, там есть что-то, что мне непременно нужно увидеть.

В этой истории, за исключением эффекта, который она на меня произвела, не было ничего фантастического. В ней фермерше Анне не приходится из-за оплошности становиться женой гнома, а заколдованные принцы не сражаются с Крысиными Королями. Но и без этих моментов она кажется мне волшебной, полной каких-то особых чар. Это «Угловое окно», рассказ, в коем главный герой повествует о своем кузене, тяжело заболевшем писателе, пребывающем в глумливо-едком наваждении, что с остатками здоровья он лишился еще кое-чего не менее важного: способности творить. Называя вещи своими именами – дара, позволявшего ему жить в гармонии с окружающим миром:

«Едва мой кузен собирался что-нибудь записать, ему не только отказывались служить пальцы, но и самые мысли его разбегались и разлетались. От этого кузен впадал в самую что ни есть черную меланхолию.

– Брат, – сказал он мне однажды таким тоном, что мне страшно стало, – брат, мне пришел конец. Я напоминаю себе старого сумасшедшего живописца, что целыми днями сидел перед вставленным в раму загрунтованным полотном и всем приходившим к нему восхвалял многообразные красоты роскошной, великолепной картины, только что им законченной. Я должен отказаться от той действенной творческой жизни, источник которой во мне самом, она же, воплощаясь в новые формы, роднится со всем миром. Мой дух должен скрыться в свою келью.

С тех пор мой двоюродный брат не допускал к себе ни меня, ни других знакомых...»

И с тех пор кузен рассказчика, облаченный в

шлафрок ввиду отсутствия желания кого-либо принимать или покидать свои комнаты, в кресле сидит перед угловым окном впавшего в анабиоз кабинета и наблюдает за кипящей жизнью городской улицы, от которой его отделяет стекло.

Я сразу узнала в этом человеке себя, и он представился мне таким, каким наверняка и должен быть: бледным, зеленоглазым, с рыжевато-каштановыми растрепанными локонами, опускающимися на сутулые плечи. И варшавский шлафрок его, я сразу поняла, непременно должен быть бордовым, как тот, что висит у меня в шкафу. Вижу перед собой лицо писателя, и кажется, что гляжусь в зеркало.

Даже на ширме у этого человека висит записка «ET SI MALE NUNC, NON OLIM SIC ERIT», что значит: «ЕСЛИ НЫНЕ НАМ ПЛОХО, ТО НЕ ВСЕГДА ТАК БУДЕТ И ВПРЕДЬ», а ведь я многократно хотела написать для себя и повесить над столом что-то похожее, но всегда находила причины отставить эту задумку. Возможно, я верила в свое спасение меньше, чем надеялся на благополучное разрешение личной трагедии описанный в рассказе писатель. Но теперь я точно знаю: и его, и меня впереди ждет только счастье. Убежденность в том, что данный свыше талант можно растратить или потерять, – пустой, но жестокий обман, с которым нужно бороться.

Когда рассказчик посещает своего кузена, то обнаруживает его там же, где и всегда: перед угловым окном. Писатель приглашает двоюродного брата взять себе стул и сесть рядом с ним в оконной нише: он желает что-то поведать своему гостю, чем-то с ним поделиться.

Глядя на пеструю улицу за стеклом, изобилующую красками и сюжетами, творец способен, вглядываясь в кипящее море событий и судеб, мастерски выуживать незаметные обывателю детали, читать по ним человека, как открытую книгу, и описывать его историю со всеми эпизодами настоящего, прошлого и даже будущего, завеса которого порою приподнимается для тех, кто привносит в этот мир что-то новое. И хотя писатель учит решившего навестить его кузена своему мастерству, а из по-настоящему творческих личностей, как известно, выходят лучшие на свете преподаватели, ученику не удастся превзойти учителя. Истинный творец все еще звучит тоньше и остроумнее, по-прежнему видит глубже, чем его брат, к блаженному сословию мастеров пера не относящийся, и подмечает вещи, которые навряд ли сможет разглядеть в гуще цветов и сменяющихся эпизодов обычный человек. Потому что, разумеется, он не терял своего таланта, он ни-

когда его не потеряет! От ювелирно-чуткого, всеохватывающего взгляда писателя, не упускающего, кажется, ни одной детали, все-таки ускользает один момент: он не видит, что сам обманывает себя, когда говорит, что больше не сможет писать, не замечает, что он, только лишь он – единственная преграда на своем обширном пути литератора. Творческий гений его все еще жив, и никакая болезнь не способна убить его, ведь искусство – одна из немногих бессмертных материй, доступных людям. Он может, разумеется, он может писать, но убеждает себя в обратном, и я убеждала себя так же... О Небо! Лишь тогда я увидела, насколько заблуждалась все эти годы, насколько была неправа! Только сейчас я вижу истинное положение дел, я вижу, что совершала ужаснейшую ошибку, просто даже думая сдать-ся, и я понимаю, что этот писатель тоже увидит и все поймет, поймет, как он ошибался, думая, что его талант безвозвратно потерян.

Неслучайно, когда братья идут трапезничать, на столе их ждут мясо, яйцо и полбулки, и кузен рассказчика говорит только о первом угощении. Все остальные поданные кушанья – пища скорее духовная. Это символы. В христианстве хлеб – основа всего живого, а похожее на безжизненный камень яйцо, из которого на свет появляется чудесный, яркий, как Солнышко, и несущий в мир свои энергию и задор цыпляток, символизирует воскрешение после смерти.

И когда я подумала об этом, и когда во второй раз возник в тексте, как заключительное «аминь», жизнеутверждающий и почти соломо-

новский девиз «ET SI MALE NUNC, NON OLIM SIC ERIT», несмотря на все покушения Гофмана на своего героя, невзирая на все его множественные ухищрения, позволяющие окончить рассказ на трагической ноте, в мое сердце проникла нерушимая уверенность...

Э, нет, добрый старик Гофман, ты прав всегда, но в этот единственный раз ошибся: ни к чему завершать эту историю, уже от лица автора восклицая «О бедный брат!» Неужели ты, мой дорогой, мой любимый автор, не слышишь, как фальшиво звучат все попытки убить описанного тобой героя, неужто ты не видишь таким же, как у него, тонким и всевидящим взором творца, что слова твои разбиваются в осколки, сталкиваясь со щитом оптимизма и надежды?! Нет, милый Гофман, путь этого человека не окончен. Он вовсе не бедный. Нет. Ну конечно! Ведь он обязательно поправится и снова начнет писать книги. Как он, я замечаю все крошечные намеки в окружающей действительности и отчетливо вижу: у него все будет хорошо. И у меня тоже.

Поэтому...

Восстань, пророк.

Лада Александровна МОСКВИНА

родилась в 2002 году.

Студентка Тихоокеанского государственного университета.

В 2022 году стала лауреатом 1 степени и 3 степени

в Международном литературном конкурсе

имени Павла Гомзякова «Гул океанского прибоя»

в возрастной категории 14-35 лет,

номинация – «Любовная лирика».

В журнале «Север» публикуется впервые.

